

обладающем значительной степенью консолидации и единодушия по отношению к ориентирам общественного развития. В противном случае политические средства регулирования исторической памяти, рассчитанные на краткосрочный период времени, оказываются неэффективными и способствуют общественной дезинтеграции. Разработка грамотных и взвешенных стратегий отношения к прошлому, учитывающих рискогенные аспекты данной проблематики, является в настоящее время насущной задачей не только для органов власти, но и для всего российского общества в целом.

Список литературы

1. **Копосов Н. Е.** Память строгого режима. М., 2010. 320 с.
2. **Миллер А.** Историческая политика в России: новый поворот // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328-367.
3. **Платон. Федр** // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 160-192.
4. **Чернова О. В.** Историческая память россиян о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&journal=68> (дата обращения: 02.02.2015).
5. **Assmann A.** Re-framing Memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Tilmans K., Vree F. van, Winter J. Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. Amsterdam University Press, 2010. P. 35-50.
6. **Olick J.** From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: an international and interdisciplinary handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008. P. 151-161.

MEMORY POLICY IN YOUTH ENVIRONMENT: TENDENCIES AND RISKS

Anikin Daniil Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
dandee@list.ru

The article analyses the political prerequisites of the formation of the ideas about the past in youth environment. The author examines the methodological prerequisites of the constructivist understanding of historical memory and points out the close connection of the process of construction with the generation dynamics of the transmission of social experience. Contemporary Russian youth is in the situation of gradual avoiding those memories, which were considered essential for previous generations that may lead to the appearance of historical memory risks and contributes to the formation of certain memory policy.

Key words and phrases: historical memory; generation; youth; social dynamics; legitimization; oblivion; risks.

УДК 342.7

Юридические науки

Статья посвящена исследованию особенностей реализованной в Южно-Африканской Республике модели социального государства. Она определяется как «трансферное государство благосостояния» со значительным элементом влияния этнического (расового) признака. Делается вывод, что описанная модель характерна только для данного государства и не исследовалась ранее. Автор изучает либерализацию модели социального государства в ЮАР в последнее время; рассматривает конституционно-нормативные основания квалификации ЮАР в качестве государства благосостояния; анализирует отдельные положения различных редакций Конституции в части толкования конституционного принципа социальности государства, сформулированного в решениях правящей в стране партии, оформленных нормативно.

Ключевые слова и фразы: социальное государство; социальность государства; государство благосостояния; конституционный принцип; социальное обеспечение.

Аристов Евгений Вячеславович, к.ю.н.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
welfarestate1@gmail.com*

ГОСУДАРСТВО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ©

Несмотря на то, что Южно-Африканская Республика является государством со средним уровнем доходов, по международным стандартам оно имеет широкую систему социального обеспечения для целевых аудиторий [1].

Основными проблемами системы социального обеспечения Южно-Африканской Республики являются низкое качество предоставляемых населению социальных услуг и, следовательно, ограниченные возможности населения становиться экономически активным и продуктивным, что такие услуги, в идеале, должны обеспечивать. Низкое качество социальных услуг и минимальная отдача от населения за получение таких

услуг значительно подрывают любые перспективы Южно-Африканской Республики стать государством благосостояния социальных инвестиций. По мнению Филиппа Бургера, это означает, что по умолчанию ЮАР является «трансферным государством благосостояния» [2, р. 6].

Конституция Южно-Африканской Республики от 1996 г. (в редакции от 2013 г.) не закрепляет принципа социальности государства напрямую, однако, ст. 27 данного нормативно-правового акта содержит в себе гарантии, представляющие собой выражение данного принципа, и предусматривает следующее:

- «1. Каждый имеет право на доступ к
  - a) услугам в сфере здравоохранения, включая репродуктивное здравоохранение;
  - b) достаточному количеству пищи и воды;
  - c) социальному обеспечению, включая ситуации, когда он не в состоянии прокормить себя и своих иждивенцев, надлежащей социальной помощи.
2. Государство должно принимать разумные законодательные и иные меры, в рамках имеющихся ресурсов, для достижения последовательной реализации каждого из этих прав.
3. Никому не может быть отказано в предоставлении экстренной медицинской помощи» [3].

Кроме того, ст. 26 Конституции Южно-Африканской Республики от 1996 г. (в редакции от 2013 г.) предусматривает, что каждый имеет право на доступ к адекватному жилью и что государство должно принимать разумные законодательные и иные меры в рамках имеющихся ресурсов для достижения последовательной реализации данного права [Ibidem].

Как указывают Мариус Оливье и Линда Янсен Ван Ренсбург, можно предположить, что Южно-Африканская Республика является социальным государством (и что данный принцип опосредованно закреплён на конституционном уровне), поскольку Преамбула к Конституции Южно-Африканской Республики от 1996 г. устанавливает, что Конституция является высшим законом Республики для целей, в том числе, создания общества, основанного на демократических ценностях, и улучшения качества жизни всех граждан, а также освобождения потенциала каждого человека. Краеугольным камнем государства благосостояния является система социального обеспечения, а указанное положение отражает намерение государства создать такую всеобъемлющую систему [5, р. 88].

Рассмотрим структуру и исторический контекст развития системы обеспечения социальной поддержки в ЮАР [6, р. 76].

Южноафриканская система социального обеспечения была введена сравнительно рано. Так, уже в XIX веке в таких сферах, как образование и социальная помощь, предоставлялась государственная поддержка нуждающимся лицам, которые этого заслуживали. Однако такая помощь предоставлялась по этническому признаку. В течение XX в. расизм был фактически легализован в ЮАР, а социальная политика начала проводиться более интенсивно [4, р. 3].

По сути, Южно-Африканская Республика являлась государством благосостояния уже в 1920-е гг., однако, только лишь для белого населения, защищая белокожих работников от гибкого и мобильного рынка труда чернокожих работников. Таким образом, ЮАР того периода представляла собой расистское государство избирательного благосостояния [7, р. 5].

В рамках системы социальной поддержки ЮАР, возникшей в качестве ответа государства на бедность среди белого населения в 1920-1930-х гг., изначально было реализовано не требующее взносов пенсионное обеспечение лиц пожилого возраста, затем были учреждены программы для инвалидов и малоимущих лиц, имевших детей, а позднее начала функционировать ограниченная система, основанная на взносах страхования от рисков безработицы. Частично данная система была десегрегирована в 1940-х гг., но лишь с окончанием периода апартеида сегрегация социальной поддержки была полностью устранена [6, р. 77].

В 1947 г. были приняты нормативно-правовые акты Национальной африканерской партии, наделившие законным статусом расовую дискриминацию, с целью закрепления власти белых в социальной системе Южной Африки. Указанные акты затрагивали все аспекты общественной жизни, так, чернокожее население было вытеснено из жилых районов, где проживали белые, в поселки и независимые «черные» государства, что успешно отделило чернокожее население от белокожего. Отсутствие доступа к работе в городском секторе, а также бедность «черных» независимых государств привели к практическому отсутствию экономических возможностей для чернокожего населения. Как и все остальные аспекты общественной жизни, образование также было сегрегировано и предоставлялось не на равной основе всему населению. Белокожие дети получали качественное образование и имели доступ к высшему образованию, в то время как школьная система образования для детей чернокожего населения практически не получала финансирования и была гораздо более низкого качества [Ibidem, р. 76].

В 1980 г. государство обязалось устранить все расовые барьеры во многих своих социальных программах, а к 1993 г. все лица, более или менее нуждавшиеся, начали получать пособия относительно одинакового уровня [1].

Переломным моментом для обозначенной выше ситуации стало учреждение демократического правительства, возглавленного Африканским национальным конгрессом Нельсона Манделы, в 1994 г. ознаменовавшее собой окончание апартеида, последствия которого проявляются и в настоящее время. Перед южноафриканским правительством встала достаточно непростая задача интеграции ранее угнетавшегося чернокожего населения в экономику, в частности, были реализованы программы, направленные на улучшение стандартов жизни для большей части населения, предоставление жилья, базовых услуг, образования, здравоохранения,

а также на обеспечение возможностей населения по трудоустройству. По сути, стремление государства исправить последствия длительного периода проведения дискриминационной политики в основных сферах социального обеспечения, таких как, например, здравоохранение и образование, привело к созданию одной из наиболее крупных в мире систем государственного обеспечения благосостояния [6, p. 76].

Одним из первых документов, принятых в данной сфере, стал Официальный доклад по общественному благосостоянию от 1997 г. [8], который представлял собой основу для развития системы социального обеспечения в ЮАР, так как содержал соответствующие директивы, рекомендации, основы предполагавшейся политики в данной области, а также основы реализации соответствующих программ. В данном докладе признавалось, что первостепенной задачей, стоящей перед системой обеспечения благосостояния, является создание применимых и интегрированных стратегий решения проблемы отчуждения и социальной изоляции обширных секторов населения, которые живут в бедности, являются уязвимыми и имеют особые потребности [6, p. 76].

Южноафриканский подход к предоставлению доступа к социальному обеспечению основан на оценке самых эффективных международных стратегий обеспечения доступа к благосостоянию, согласно которой улучшение экономического и общественного благосостояния состоит, в частности, из таких элементов, как справедливое инвестирование в образование, здравоохранение и социальную поддержку, а также связано с наличием уязвимых групп населения. В результате разработки и реализации данного подхода, в ЮАР была создана система предоставления субсидий, которая основывается на указанных элементах [Ibidem, p. 76-77].

Политические программы, реализующиеся в Южно-Африканской Республике в сфере социального обеспечения, в целом можно разделить на две основные категории. В рамках программ первой категории предоставляются денежные пособия для населения с целью его обеспечения достаточными экономическими и социальными гарантиями в случае безработицы, болезни, ухода за детьми, инвалидности, достижения пожилого возраста, и в случае возникновения иных рисков. В рамках политических программ по социальному обеспечению второй категории из указанных предоставляется государственная поддержка лицам с особыми потребностями. Реализация таких программ, по сути, выражает стремление государства обеспечивать права человека, в частности, социальные [Ibidem, p. 77].

Политика ЮАР в области социального обеспечения разрабатывается с признанием взаимосвязанности процессов социального и экономического развития, которые также взаимно укрепляют друг друга. Такое взаимодействие, как отмечает Ребекка Поттс, предполагает, что не вся политика ЮАР в сфере социального обеспечения стимулирует снижение уровня бедности в стране и экономический рост, однако, она может привести к соразмерному ей социальному развитию, которое создаст необходимые предпосылки для экономического развития [Ibidem].

В настоящее время система социальной поддержки в ЮАР доступна большему количеству бенефициаров, чем когда-либо, а затраты на государственные пособия были значительно увеличены. Такие пособия получает теперь значительная часть населения. В период до конца 1990-х гг. государством предлагались социальные субсидии только для лиц в возрасте до 14 лет, а также лицам пожилого возраста старше 65 лет, в результате чего большая часть населения не имела доступа к государственной поддержке. Данная проблема была исправлена в результате смещения направления курса социальной политики правящей партии с восстановления и распределения благ на реализацию такой концепции социальной политики, в рамках которой предполагалось одновременно учитывать ограниченность ресурсов и необходимость достижения более высоких уровней экономического развития. Такое изменение направленности социальной политики в ЮАР явилось значительным идеологическим сдвигом в области создания южноафриканского государства благосостояния [Ibidem].

Список литературы

1. **Bhorat H., Cassim A.** South Africa's Welfare Success Story II: Poverty-Reducing Social Grants [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/africa-in-focus/posts/2014/01/27-south-africa-welfare-poverty-bhorat> (дата обращения: 29.07.2015).
2. **Burger P.** How Suitable Is a 'Developmental State' to Tackle Unemployment, Inequality and Poverty in South Africa? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econ3x3.org/sites/default/files/articles/Burger%20P%202014%20Developmental%20State%20FINAL.pdf> (дата обращения: 29.07.2015).
3. **Constitution of The Republic of South Africa, 1996** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitutionalcourt.org.za/site/theconstitution/english-2013.pdf> (дата обращения: 28.07.2015).
4. **Leubolt B.** Social Policies and Redistribution in South Africa [Электронный ресурс]. URL: http://www.global-labour-university.org/fileadmin/GLU_Working_Papers/GLU_WP_No.25.pdf (дата обращения: 29.07.2015).
5. **Olivier M., Rensburg L. J. van.** Protection and Enforcement of the Right to Social Security [Электронный ресурс] // Law, Democracy & Development. 2000. Vol. 4. No. 1. URL: <http://www.saflii.org/za/journals/LDD/2000/8.pdf> (дата обращения: 01.08.2015).
6. **Potts R.** Social Welfare in South Africa: Curing or Causing Poverty? [Электронный ресурс] // Penn State Journal of International Affairs. 2012. Vol. 2. Issue 1. P. 74-92. URL: https://psujia.files.wordpress.com/2012/04/social_welfare_final.pdf (дата обращения: 01.08.2015).
7. **Welfare State** [Электронный ресурс]. URL: http://study.sagepub.com/sites/default/files/Ch14_Welfare%20State.pdf (дата обращения: 28.07.2015).
8. **White Paper for Social Welfare. Principles, Guidelines, Recommendations, Proposed Policies and Programmes for Developmental Social Welfare in South Africa** [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.za/sites/www.gov.za/files/White_Paper_on_Social_Welfare_0.pdf (дата обращения: 28.07.2015).

WELFARE STATE IN THE SOUTH AFRICAN REPUBLIC

Aristov Evgenii Vyacheslavovich, Ph. D. in Law
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
welfarestate1@gmail.com

The article is devoted to studying the peculiarities of the implemented in the South African Republic model of social state. It is interpreted as a "transfer welfare state" with the considerable influence of ethnic (racial) feature. The paper concludes that the mentioned model is typical only for this state and has not been investigated earlier. The author studies the recent liberalization of social state model in the South African Republic, examines constitutional and normative foundations to qualify the South African Republic as a welfare state; analyzes certain provisions of the Constitution versions regarding the interpretation of the constitutional principle of the sociality of the state formulated in the legalized resolutions of the ruling party.

Key words and phrases: social state; sociality of state; welfare state; constitutional principle; social welfare.

УДК 94(5)

Исторические науки и археология

В настоящей работе рассматриваются условия формирования и реализации национальной политики шахиншахского правительства Ирана периода правления династии Пехлеви с момента прихода династии к власти в 1925 году до падения шахиншахского режима в ходе Исламской революции в 1979 году, анализируется роль национальной политики в государственной системе монархического Ирана в XX веке. Освещается значение этнического сепаратизма в Иране в контексте формирования единой иранской политической нации и концепции паниранизма как идеологического фактора шахской национальной политики.

Ключевые слова и фразы: шахский Иран; иранский национализм; национальная политика; иранизация; Пехлеви; шахиншахское государство; паниранизм.

Боев Эрадж Бегиджонович

Воронкова Галина Вадимовна, к.и.н., доцент

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
sogdak@yandex.ru; voronkova_g@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ШАХСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИРАНА В 1925-1979 ГОДАХ©

Современное состояние внешней и внутренней политики Исламской Республики Иран, а также характер межнациональных отношений в этой стране невозможно рассматривать без учета многовекового исторического прошлого Ирана. В этой связи важным инструментом для понимания специфики современных этноконфессиональных процессов в современном Иране является обращение к периоду правления последней шахской династии Пехлеви.

Историографию по данной проблеме можно разделить на несколько направлений. Иранская историография шахского периода характеризуется положительной оценкой основных положений политики Пехлеви по национальному вопросу. Так, в работе Сейида Ахмеда Кесрави «Азери, или древний язык Азербайджана», изданной в 1941 году, содержится аргументация в пользу политики иранизации тюркоязычного населения Ирана [9, с. 12]. Западноевропейская историография в настоящей работе представлена работами исследователей, являющихся эмигрантами из Ирана – Махмуда Реза Годса («Иран в XX веке. Политическая история») [5] и Каве Фарруха («Пантюркизм нацеливается на Азербайджан. Геополитическая повестка») [18]. Представители данного направления более сдержанно и критически оценивают достижения Ирана в эпоху Пехлеви, в том числе в гуманитарной сфере. В их работах рассматриваются условия формирования национальной политики периода Пехлеви, ход ее реализации и последствия. Современная иранская историография и примыкающая к ней оппозиционная исламская историография дореволюционного периода рассматривают эпоху правления Пехлеви (в особенности период Мохаммеда Реза-шаха) в основном с негативной точки зрения. Примером такой позиции является работа видного шиитского богослова Муртазы Мутаххари «Иран и ислам: история взаимоотношений», которая впервые была опубликована в 1970 году [11]. Среди работ, относящихся к отечественной историографии по проблеме, необходимо отметить работы таких исследователей, как С. Л. Агаев («Германский империализм в Иране (Веймарская республика, Третий рейх)» [1]), С. К. Атаев («О политике иранского правительства в отношении белуджей в 40-60-х гг. XX в.» [2]), «Социально-экономическое и политическое положение белуджей Ирана (20-30-е гг. XX в.)» [3]), Е. А. Дорошенко («Зороастрийцы в Иране» [6]), «Идеологические основы иранских учебников периода правления Реза-шаха Пехлеви» [7]), М. С. Каменева («Национальные традиции и языковая политика в Иране (20-е – начало 80-х гг. XX в.)» [8]), Р. А. Сеидов («О национальном формировании азербайджанцев в Иране») [15]. Современная российская историография

© Боев Э. Б., Воронкова Г. В., 2015